

И. С. ШАРКОВА

**РУССКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗАПИСКИ
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРЯМЫХ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИТАЛИЕЙ В ПОСЛЕДНЕЙ
ТРЕТИ XVIII в.
(по материалам архива Воронцовых)**

В обширном и сложном по составу фонде Воронцовых, хранящемся в главных своих частях в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР (ЛОИИ) АН СССР (ф. 36) и в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА, ф. 1261), сосредоточено много ценных материалов для изучения внутренней и внешней политики России второй половины XVIII в.¹ Находится в нем и большое количество документов (в подлинниках и копиях) по истории русской торговли XVIII в., связанных с деятельностью А. Р. Воронцова на посту президента Коммерц-коллегии (1773—1794) и члена Комиссии о коммерции (1774—1793).

В данной статье мы остановимся лишь на некоторых материалах, касающихся попыток установления прямых торговых связей между Россией и итальянскими государствами в последней трети XVIII в.²

Первым таким документом, имеющимся в нашем распоряжении, является анонимная записка на французском языке под названием «О полезности прямых сношений между Россией и Италией».³ В ней рассматривается «взаимная полезность» (*l'utilité réciproque*) непосредственных связей между Российской империей и итальянскими государствами в трех различных областях — в политике, торговле и искусствах.

С точки зрения политических интересов необходимо, по мнению автора, иметь посла в Италии, в первую очередь — в Венеци-

¹ Об архиве Воронцовых см.: [Троцкий И.] Архив Воронцовых. — В кн.: Литературное наследство. [Т.] 9—10. М., 1933, с. 397—420; Петров В. А. Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в Архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. — В кн.: Проблемы источниковедения. [Т.] V. М., 1956, с. 102—145; Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М.—Л., 1958, с. 264—285; Джинчарадзе В. З. Обзор фонда Воронцовых, хранящегося в ЦГАДА. — В кн.: Исторические записки. [Т.] 32. М., 1950, с. 242—265; Джинчарадзе В. З., Останкович Ф. А. Обзор хозяйственно-имущественных материалов фонда Воронцовых, хранящегося в ЦГАДА. — Там же. [Т.] 37. М., 1954, с. 252—279.

² Такие попытки предпринимались и ранее, см. об этом: Комиссаренко А. И., Шаркова И. С. Документы об установлении прямых русско-итальянских торговых связей в середине XVIII в. — Советские архивы, 1972, № 2, с. 89—100.

³ Mémoire sur l'utilité d'une correspondance directe entre la Russie et l'Italie. — Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 547, л. 199—207 об.

анской республике, которая, как и Россия, имеет общего врага — Оттоманскую Порту.⁴ (Это замечание позволяет датировать записку временем до 1768 г., когда в Венецию — правда, в одностороннем порядке — был назначен русский поверенный в делах Пано Маруцци).⁵

В отношении взаимной торговли автор записки считает, что ее необходимо взять в свои руки русским купцам. Пока же, — пишет он, — русская внешняя торговля (во всяком случае русско-итальянская) является скорее внутренней торговлей, ибо русские продают свои товары в Петербурге, Риге и других портах иностранцам, являющимися комиссионерами голландцев, англичан и немцев, которые везут их в Италию, получая таким образом четыре рода прибыли: от покупки товаров в русских портах, при первой транспортировке в Англию и Голландию, от следующей — в итальянские порты и, наконец, от перепродажи их итальянцам. По его подсчетам, эта прибыль доходит до 1 млн 41 тыс. рублей на 600 тыс. рублей закупленных в Петербурге товаров. Если русские «установят прямую торговлю с Италией, они ввезут ежегодно в Империю до одного миллиона рублей, которые сейчас получают иностранцы, если же товары будут доставляться на собственных купеческих кораблях, то прибыль может увеличиться вдвое и втрое».⁶ Для развития русско-итальянской торговли анонимный автор считает необходимым учреждение консульств в наиболее крупных итальянских портах.⁷

Определить национальность автора «Мемуара» трудно, но он написан лицом, безусловно заинтересованным в русско-итальянском сотрудничестве.

По содержанию и по построению материала эта записка переключается с другой — относящейся к этим же годам, но написанной по-русски и принадлежащей бесспорно русскому подданному.⁸ В ней необходима более тесных контактов с государствами Апеннинского полуострова, связанных с политическими, торговыми⁹ и культурными интересами России и Италии, рассматри-

⁴ Там же, л. 202, 200 об.

⁵ Берти Дж. Россия и Итальянские государства в период Рисорджименто. Пер. с итал. М., 1959, с. 62—63.

⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 547, л. 204 об.—205.

⁷ Там же, л. 206 об.

⁸ «Каждого истинного патриота приятнейшая должность состоит в том, чтоб по возможности своей стараться о благополучии отечества своего ... Для учинения в том опыта предлагается при сем план, коего всей пользы во всем пространстве хотя завременно подробно разобрать не можно: однако верно можно надеяться, что чрез него многия новыя пути для политического интересу, також многия выгоды к лучшему росходу наших российских продуктов и к способнейшему и дешевнейшему получению иностранных потребностей откроют. По крайней мере сие предложение может принято быть за знак искреннего усердия к российскому государству». — ЦГАДА, Госархив, разряд XIX (Финансы), № 362, л. 1—1 об.

⁹ Кроме связей через Петербург, автор записки видит возможность установления торговли с итальянскими государствами через Черное

вается с тех же самых позиций,¹⁰ что дает возможность видеть и в авторе первого «Мемуара» подданного Российской империи.

Заключение Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.), по которому Россия получила некоторые порты на Черном море и право на свободный проход купеческих судов, хотя и ограниченного тоннажа,¹¹ через Босфор и Дарданеллы, вновь вызвало к жизни многочисленные проекты развития русской южной торговли и установления прямых связей между российскими черноморскими портами и портами Средиземного моря, в первую очередь — итальянскими.

Уже в середине сентября 1774 г., т. е. спустя всего лишь два месяца после заключения мирного договора, в Коммерц-коллегию был представлен ее членом Сергеем Межениновым «План произведения российского торгу на Черном и Средиземном море с турецкою и итальянскими областями, с венецианскою республикою и Архипелагиею».¹² В части записки, относящейся к русско-итальянской торговле, он пишет о преобладающей роли англичан и голландцев и о тех изменениях, к которым может привести развитие русской черноморской торговли: «... а как турецкия и в Медитеранском море италянския области, яко неаполитанское и сцилское государства, тож Республики венецианская, Рагуская, Энуеская и флорентского княжества город Ливорна до сего российские товары чрез англичан и галанцов получали, а учреждением чрез Черное море комерции с немалым уменьшением цен против прежняго и ис первых рук товары российские получать и обратно прежде привозимые ис показанных областей англичанами и галанцами уже российский купцы ис первых рук получать будут, почему в произведении комерции на Средиземном море им возпрепятствуется: ибо взятъ товаров в Российской империи и отвозу в итальянския области и обратно привозов из Италии лишатся».¹³

В данном случае Меженинов не оригинален, а почти дословно повторяет положения, сформулированные еще в 1745 г.

и Азовское моря, т. е. через Темерниковскую таможню. — Там же, л. 2 об.

¹⁰ Автор «Мемуара» считает связи с Италией полезными и для развития и улучшения русских мануфактур (там же, л. 2 об.—3).

¹¹ Ср.: Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955, с. 288.

¹² Датирован согласно доношению С. Меженинова от 15 сентября 1774 г., в котором говорится, что он представляет «на рассмотрение государственной Комерц-коллегии опись, какое доньше чинилось в торговле затруднение и план, каким образом ныне учредить по моему мнению надлежит». — Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 557, л. 97.

«План произведения российского торгу...» имеется в двух экземплярах: в подлиннике (там же, л. 104—115) и в копии (там же, л. 124—135). О нем см.: Шапиро А. Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. — В кн.: Исторические записки. [Т.] 55. М., 1956, с. 254—255.

¹³ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 557, л. 108 об.—109.

в предложении Б. Г. Юсупова.¹⁴ Новым в «Плане» было то, что для успешного ведения торговли с итальянскими областями Меженинов считал необходимым учредить русское консульство в Ливорно, «как город Ливорно всей Италии магазин; ибо от всех портов Леванта туда приходят; то и там надлежит быть Российскому консулу, чрез него можно российским купцам производить коммерцию в Венецию, Испанию, Португалию и в Барбар...».¹⁵

В дальнейшем рассмотрение проекта С. Меженинова пошло по линии обсуждения возможности заключения торгового договора с Турцией, а затем его подготовки. Договор был подписан лишь в 1783 г., хотя любая записка и любое «мнение», представленное по этому поводу в Коммерц-коллегию, учитывали и предусматривали возможность установления прямой русско-итальянской торговли через Черное море.¹⁶

В 1792 г. (опять-таки почти сразу же после заключения Ясского мира) с проектом развития торговли Таврической области обратился к русскому правительству генуэзский купец, переселившийся в Феодосию.¹⁷ Он считал, что «спокойное владение

¹⁴ Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883, прил. 13, с. XXV—XXVI. До Б. Г. Юсупова об этом же писал в своем проекте И. А. Мелисину (1741 г.). (См.: Комиссаренко А. И., Шаркова И. С. Указ. соч., с. 90, 92). Интересно также, что аналогичное мнение о развитии южной торговли и, в частности, о связях с Италией (но без ссылки на источник своих сведений) высказывает и М. Д. Чулков в «Историческом описании Российской коммерции», поместив, однако, эти материалы среди документов, относящихся к 1780-м гг. (См.: Чулков М. Д. Историческое описание Российской коммерции... Т. II, кн. 1, половина 1. СПб., 1785, с. 523—524).

¹⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 557, л. 114. — Включение в «План» пунктов об учреждении консульств для успешного ведения торговли связано, по-видимому, с разработкой в это время в Комиссии о коммерции нового положения о консульских постах (там же, № 547, л. 574—583 об.). Доклад Комиссии о консульских постах, представленный Екатерине II в 1775 г., предусматривал наличие консула в Ливорно, «если торговля наша, — как записано в «Особом мнении» А. Р. Воронцова, — чрез Черное море Дарданеллами, а сим способом и в Средиземное море порядочно установится» (там же, л. 591). Ср. также: Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. II. М., 1899, с. DLXV.

«Барбар» — страны Магриба (Марокко, Алжир, Тунис).

¹⁶ См., например, «Мнение... Обрисовка о распоряжениях могущих послужить к порядочному и полезному производству коммерции с Турецкою империею и другими областями в Архипелаге и по берегам Адриатического и Средиземного морей лежащих чрез посредство Черного моря» (в кн.: Уляницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море, с. 470—484). Можно сослаться также на «Дело о торге и купеческом плавании по Черному и Средиземному морям», рассмотренное в Комиссии о коммерции в 1780 г. (Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 551, л. 364—514 об.); на записки «О торговле на Черном море», «О торговом судоходстве на Черном море», «О значении Черного моря для русской торговли» и др. (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 824, 830, 834 и др.).

¹⁷ «Примечания о российской торговле на Черном море. Генуя, 11/22 февраля 1792 г.» — Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 557, л. 36—56. — По нашему предположению, автором этой записки был Варфоломей Галера, о котором писал поверенный в делах России в Генуе А. Лизакевич

Таврической областью и свободный вход и выход для плавания по Черному морю суть два предмета, могущих доставить Российской империи весьма выгодную торговлю», причем плодородность района и наличие двух незамерзающих портов — Севастопольского и Феодосийского — дали бы Югу даже некоторые преимущества, если превратить названные города в «вольные порты».¹⁸ Развитие торговли способствовало бы привлечению населения (прежде всего итальянцев) и, в конечном счете, развитию в Таврическом крае земледелия, промыслов, рыболовства и т. д.¹⁹

Важную роль в осуществлении проекта должна была сыграть торговля со странами Средиземноморья, главным образом — с итальянскими государствами.²⁰ Но ни один город в Италии — ни Венеция, ни Анкона, ни Ливорно, ни даже, несмотря на торговый договор, порты Королевства Обеих Сицилий,²¹ — не смог бы, по мнению автора (и в этом проявляется его патриотизм), так способствовать развитию русско-итальянской торговли (а следовательно — и развитию Таврической области), как Генуя — и в снабжении России необходимыми ей товарами,²² и в получении русских продуктов. Особое же значение придавалось автором документу вывозу русского хлеба: «Город Генуя и обе онаго реки (? — *И. Ш.*) имеют непрестанную и необходимую надобность в иностранном хлебе по причине каменистой и гористой земли... Там весьма великий расход на хлеб, из котораго делается вермичели под названием макароны в иных странах известное. Отпуск товаров из сего города за домашним расходом распространяется во все места Европы и в Америку. *Таврической же и таганрогской хлеб к тому весьма удобен.*»²³

Трудно сказать о судьбе этих «Примечаний», но наличие выписок из них может служить косвенным доказательством проявленного к ним внимания.²⁴

в письме А. Р. Воронцову от 14/25 февраля 1792 г. Он сообщал о посылке представленного ему В. Галерой плана, «основанного на правилах весьма удобных и полезных, как для распространения черноморской торговли, так и для скорейшего заселения тамошних наших провинций, а особенно Тавриды» (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, № 746, л. 1—1 об.).

¹⁸ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 557, л. 33 об.—35 об.

¹⁹ Там же, л. 37—38.

²⁰ «Торговля Таврической области с Италиєю». — Там же, л. 47—49 об.

²¹ «Что же касается до Неаполя и Сицилии, которые всем изобилуют, пусть пользуются они торговым трактатом, но от них инаго ожидать нельзя как разве станут они присылать шелк и вина, и вывозить железо, табак, смолу и деготь» (там же, л. 48).

²² Перечислив обычные статьи итальянского экспорта в Россию (камки, атласы, бархаты, шелковые изделия, вино, цитрусовые и др.), автор, стремясь подчеркнуть торговое значение родного города, присоединяет к этому списку голландские и английские изделия, которыми Генуя «всегда изобилует» (там же, л. 48 об.).

²³ Там же, л. 49 об. (Курсив наш, — *И. Ш.*).

²⁴ Там же, л. 57—61.

К установлению прямых итало-русских торговых связей стремились и итальянские государства. Особую активность в этом отношении они проявили в 80-е гг., причем подтверждение этому мы имеем в документах, относящихся к Неаполю, Венеции и Анконе.

Неаполь. Фонд Воронцовых хранит в себе две записки о развитии взаимной торговли между Королевством Обеих Сицилий и Российской империей, принадлежащие двум видным деятелям неаполитанского правительства: одна лорду Джону Френсису Эдуарду Актону, вторая — аббату Фердинандо Галиани.²⁵ Обе относятся к 1783 г. и вызваны «Проектом торгового договора между его величеством королем Сардинии и ее величеством императрицей всея Руси», автором которого был, как недавно выяснилось, итальянский инженер и экономист Джованни Кристиано де Миллер, представивший свой проект туринскому двору в 1782 г.²⁶ Миллер пытался доказать, что Сардинское королевство по сравнению с другими итальянскими государствами имеет преимущества в деле увеличения продажи русских товаров в Италии, ибо оно «осуществляет прямой валютный обмен с Амстердамом, обладает почти полной свободой при ведении торговых операций, основанной на праве порто-франко, которым пользуется Ницца, является государством единым и прочным, имеющим возможность, используя реку По, торговать с Ломбардией, Венецией, Швейцарией и другими государствами. И, наконец, Пьемонт благоустраивает дорогу между Ниццей и Туринем, которая полностью будет введена в эксплуатацию к концу 1783 г.»²⁷ Здесь же приводился подробный список товаров, которые могли бы служить объектом обмена: он включал 25 наименований русских продуктов и 32 — итальянских.²⁸

Когда и каким путем проект (как анонимный) попал к руководителю внешней политики Неаполя маркизу Самбуке — сказать трудно. Документ этот, по-видимому, был сразу же отдан на рассмотрение вышеназванным лицам, которые и сообщили свое мне-

²⁵ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 9—32.

²⁶ Вентури Ф. Итало-русские отношения с 1750 до 1825 г. — В кн.: Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968, с. 26—27; Diaz F. L'abate Galiani consigliere di commercio estero del Regno di Napoli. — Rivista storica Italiana, 1968, fasc. IV, p. 867—868. — Наиболее подробно этот проект рассмотрен в статье Дж. Леви «Экономические отношения с Россией в проектах пьемонтского правительства (конец XVIII в.)». — В кн.: Франко-русские экономические связи. М.—Париж, 1970, с. 242—251.

²⁷ Леви Дж. Указ. соч., с. 249.

²⁸ Там же, с. 248. — Проект Миллера был известен русским правительственным кругам, но не встретил поддержки (там же, с. 247). Он находился и в бумагах А. Р. Воронцова, как об этом можно судить по заголовкам, имеющимся на листах в одном из дел: «Мысли или план торговых отношений между Россией и Сардинией», «Проект торгового трактата между сими державами» (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 8—8 об.).

ние маркизу: лорд Актон — в подробном письме, Галиани — в большом «Рассуждении».²⁹

Русскому правительству документы стали известны уже в том же 1783 г., так как были приложены к письму (№ 54) русского посла в Неаполе А. К. Разумовского; в копиях перевода с этих приложений они сохранились в фонде Воронцовых.³⁰ Само письмо посла в деле отсутствует, и поэтому мы не можем судить точно о времени посылки и о языке оригиналов, но можно сказать определенно, что это произошло между 24 октября, когда Галиани было написано «Рассуждение», и 24 ноября 1783 г., когда А. К. Разумовский — в связи с тем, что на пост полномочного министра был назначен граф Скавронский — имел прощальную аудиенцию у короля Фердинанда IV.³¹

Остановимся на первом из документов — письме лорда Актона, всесильного министра при королеве Марии Каролине.³² Высказывая свое мнение по поводу «проекта неизвестного сочинителя», Актон усматривает в нем намерение пьемонтского правительства монополизировать выгодную, по его мнению, русскую торговлю: «Я усматриваю в оной, что предложение изобретено и вымыслено единственно в Пьемонте и примечаю сверх того, что сочинитель располагая оное со всяким искусством и удоб-вообразимую острою для утаения скудости продуктов, какие в подобной торговле области Сардинского короля могут промышленять и для скрывает прेमалаго расхода в оных быть российским товарам, имел намерением и целью главною воспользоваться случаем и упредить предложением торгового трактата (пока обе Сицилии не воздвигнут еще трактата), внушая сделать Пьемонт стапельным городом для Российских торгов и там основать посредством оных монополию для доставления оттуда их народам италийским».³³ Он пишет, что данный проект имеет ясную антинеаполитанскую направленность, ибо «тщится он (сочинитель)

²⁹ Об этом можно судить по начальным фразам обоих документов: а) «Имею честь донести вашему сиятельству о том, что касается до записки, кою Вы благоволили мне сообщить и коя содержит проект о заведении торговли между Российским и Туринским дворами» [«Письмо генерала Актона к господину Самбуке» (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 9)]; б) «Со вниманием читал я проект трактата коммерции между Россиею и его Сардинским величеством, который ваше сиятельство изволили мне сообщить» [«Рассуждение советника Галиани, доставленное Господину Маркизу Самбуке» (там же, л. 15)].

³⁰ «Перевод с двух приложений к письму гр. Разумовского под № 54, 1783» (там же, л. 8). — Переводчиком этих документов был Николай Константинов (там же, л. 14, 32 об.).

³¹ Б а н т ы ш - К а м е н с к и й Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2. М., 1896, с. 232.

³² Письмо не датировано, и по имеющимся в нашем распоряжении материалам можно сказать, что оно неизвестно ни советским, ни итальянским исследователям.

³³ «Письмо генерала Актона к господину Самбуке» (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 9—9 об.).

между нуждающихся в Российских продуктах не именовать южных италийских народов, дабы исключить и память ежели токмо возможно о обеих Сицилиях, о которых он опасается напомнить», и, кроме того, «старается лишить все наши королевства удобностей, какия могут оныя иметь от богатых своих продуктов и от торговли своей с Россиею».³⁴ Далее Актон утверждает, что «одне обе Сицилии в состоянии находятся и имеют право по своим обстоятельствам постановить трактат с Россиею на таком основании, на каком заключен трактат между оною и Англиею или же между оною и Португалиею».³⁵ Он советует обратить особое внимание на возможности торговли между обеими странами через Черное море, для чего предлагает «стараться более о облегчении флагов как Российскаго, так и Сицилийскаго народов, кои с товарами собственных государств имеют торговать во взаимных портах», причем неаполитанцы могут предоставить собственные купеческие суда (взамен предоставления им права на русский флаг при проходе через Босфор и Дарданеллы), пока Россия не заведет собственное судоходство на Черном море.³⁶

«Рассуждение» аббата Фердинандо Галиани — советника по делам внешней торговли Неаполитанского королевства и автора широко известных «Диалогов о торговле зерном»³⁷ — более пространно.³⁸ Как и Актон, Галиани скептически смотрит на возможность заключения торгового договора между Россией и Сардинией и считает, что единственным италийским государством, которое может это осуществить, является Королевство Общих Сицилий: «Сочинитель думает, что можно установить всей Италии

³⁴ Там же, л. 10—10 об. — Кроме того, отмечая утверждения автора проекта о том, что ни один город Неаполитанского королевства не связан с голландскими городами и Гамбургом, через которые осуществляются валютные операции, и что поэтому весь обмен должен проводиться через Ливорно и Геную, которые, в свою очередь, зависят от Амстердамской биржи, Актон приводит доказательства связей Неаполя непосредственно с Петербургом (там же, л. 10 об.—11).

³⁵ Там же, л. 12—12 об.

³⁶ Там же, л. 12 об.—13 об.

³⁷ Galiani F. Dialogues sur le commerce des bleds. Londres, 1770.

³⁸ «Разсуждение советника Галиани, доставленное Господину Маркизу Самбуке» (ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 15—32 об.). — Итальянский текст «Рассуждения» («Consulta del consigliere Ferdinando Galiani al Marchese della Sambuca») опубликован в последнее время дважды: в приложении к монографии В. Джуры (Giura V. Russia, Stati Uniti d'America e Regno di Napoli nell'età del Risorgimento. Napoli, 1967, p. 323—329) и в приложении к уже упоминавшейся статье Ф. Диаци (Diaz F. Op. cit., p. 887—892) по разным рукописям. Они имеют разные заголовки. Заголовок рукописи, напечатанной в монографии Джуры, приведен выше. Рукопись, напечатанная Диаци, хранится в архиве Галиани в Неаполе и озаглавлена «Relazione di Galiani circa un progetto di Trattato fra la Russia e il Regno di Sardegna e le prospettive di un trattato fra Russia e Regno di Napoli». Рукопись, напечатанная Джурой, не датирована; она могла бы служить оригиналом русского перевода 1783 г. Рукопись, текст которой приведен в статье Диаци, датирована (24 октября 1783 г.), но в ней опущен текст «особливого примечания» (см. ниже, с. 339 настоящей статьи).

коммерцию по своему прожектированному Трактату, по сия торговля никогда в руки не достанется несчастливаго положения piemontцам в разсуждении италианской торговли; не взирая на все то, что он о дорогах говорит, которыми бы из Ницы возить товары в Ломбардию». Следовательно, «...без дальняго возражения почесть можно сей трактат за хорошее свидение. Но не будет мечтою торговля Сицилии с Россией ежели откроется путь через Дарданеллы; напротив оная придет в весьма цветущее состояние, когда обратится на то внимание. Можно открыть торговлю с Санкт-Петербургом, пока Отоманския на Черном море дела не приведены будут в твердое и непоколебимое состояние».³⁹

Автор видит при этом три препятствия для развития прямой неаполитанско-русской торговли: отсутствие — как в России, так и на его родине — «великих и сильных кантор», отсутствие прямого вексельного перевода между странами (следовательно, анонимный автор был прав!) и, наконец, «малая доверенность, какую надлежит иметь как с нашей стороны торгующим в России, так и Россиянам, ежели бы когда происходили сюда для купечества».⁴⁰ Но эти «препятствия» Галиани считает легко устранимыми: первое — путем устройства пакгаузов для русских товаров в Неаполе и Мессине, а для итальянских — в Петербурге и в Херсоне (или Азове) и учреждения там же агентов из купечества;⁴¹ второе — путем разрешения свободного обращения в России и в Неаполитанском королевстве неаполитанской и русской монеты;⁴² третье — созданием комиссии из двух купцов и судьи, которая будет наблюдать за кредитоспособностью купцов, торгующих в России, заниматься перепиской с агентами и т. д.⁴³

Для развития и укрепления неаполитанско-русской торговли Галиани полагает необходимым по крайней мере на 15—20 лет «доставить облегчение от таможенных пошлин» («збавкою двух процентов»);⁴⁴ предусматривает он также и свободу вероисповедания в портах, где будет производиться торговля.

Далее в «Рассуждении» дан примерный текст основных статей торгового трактата между Королевством Обеих Сицилий и

³⁹ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 15 об.—16 об. (Курсив наш, — И. Ш.). — Из последней фразы приведенной цитаты можно видеть, что Галиани не знал еще о русско-турецком торговом договоре, подписанном 10 июня 1783 г., статья которого распространяла предоставленное русским судам по Кючук-Кайнарджийскому миру право на проход через Босфор и Дарданеллы на «все купеческие под российским флагом суда», хотя и ограниченного тоннажа (ПСЗ, т. XXI, № 15757).

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 17.

⁴¹ Там же, л. 19.

⁴² Там же, л. 23—23 об.

⁴³ Там же, л. 23 об.—24 об.

⁴⁴ Там же, л. 25. — Аббату Галиани, по-видимому, не был известен «Тариф о сборе пошлин с привозных и отвозных товаров при портах Черного моря» 1775 г., который предусматривал уменьшение пошлин на товары, привозимые прямо из Италии итальянскими и русскими купцами (например, на вина — в 5 раз).

Российской империей и «Особливое примечание о том, что королем должно быть предписано и учреждено для заведения прямой торговли с Россиею».

Завершая свое сочинение, Галиани писал: «Когда, ваше сиятельство, удостоите сию мою записку своим вниманием; я помощь ваших объяснений и наставлений сделаю в оной такие поправки и прибавления, какие вы изволите мне приказать; тогда мною может быть переведена на французский язык и сообщена Российскому двору»,⁴⁵ по поводу же «Особливого примечания», которое было приложено Галиани на отдельном листе (в русском переводе оно идет вместе с текстом «Рассуждения»), он замечал, что его «не нужно сообщать министерально русскому двору».⁴⁶ Это примечание, на наш взгляд, доказывает, что о решении Неаполитанского правительства вступить в переговоры для обсуждения вопроса о торговом договоре в России узнали раньше, чем проект аббата достиг по официальным каналам Петербурга⁴⁷ и там начались непосредственные переговоры, которые завершились лишь 13 января 1787 г. подписанием в Царском Селе «Трактата о торговле и мореплавании» между Российской империей и Королевством Обеих Сицилий.

Венеция. До сих пор считается, что Венецианская республика не стремилась к заключению торгового договора с Россией и не давала инструкций подобного рода своему послу в Санкт-Петербурге Федерико Фоскари.⁴⁸ Документы, хранящиеся в фонде Воронцовых, опровергают это мнение.

Первый из них представляет собой список товаров, «коими может производиться торг между венецианскими и Российскими областями». Он имеется в двух копиях — копии итальянского текста и его перевода на русский язык.⁴⁹

Второй является французским переводом записки, представленной Микеланджело Парри венецианскому послу в России 1 октября 1785 г.⁵⁰

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 536, л. 27 об.—28.

⁴⁶ Там же, л. 28.

⁴⁷ Нельзя поэтому и считать, что аббат Галиани, преклонившийся перед Екатериной II и состоявший с ней в переписке, сам передал текст своих «Рассуждений» русскому послу в Неаполе. К сожалению, нам неизвестен язык (итальянский или французский), с которого Н. Константинов переводил документы, чтобы сделать по этому поводу окончательный вывод.

⁴⁸ Берги Дж. Указ. соч., с. 129—130.

⁴⁹ «Generi commercianti tra li stati Veneti e li Stati Moscoviti». — Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 544, л. 422—436 об.; «Товары, коими может производиться торг между венецианскими и Российскими областями. Перевод». — Там же, л. 402—421 об. — Мы будем цитировать документ по переводу XVIII в., который сделан весьма добросовестно, лишь кое-где внося небольшие поправки, уточняющие смысл.

⁵⁰ «Traduction d'un Mémoire présenté à Mr de Foscare de la Serenissime Republique de Venise à la Cour Impériale de Russie par Michel Ange Parri à St Petersburg le 1 d'Octobre 1785». — Там же, № 554, л. 442—447.

«Список товаров»⁵¹ был подготовлен для намечающегося торгового договора между двумя государствами, причем во введении подчеркивается важность и выгодность торговли через Черное море:⁵² этот путь способствовал бы также развитию торговли Венеции с Персией,⁵³ а заключение трактата позволило бы вытеснить англичан и голландцев из русско-венецианской торговли.⁵⁴

В перечне названы основные русские товары, которые привозятся в Венецию («воловы кожи, называемые булгари», т. е. юфть, меха, пенька и лен, парусные и скатертные полотна, икра и соленая осетрина, ремень, мачтовые деревья, смола, невыделанные железо и медь, сало, воск), к ним же присоединены и китайские продукты, которые автор считает возможным из Казани переправлять в Венецию «непрерывно рекою и морем и в сем случае, могли бы снабжать ими часть Европы».⁵⁵

В «произведениях и рукоделиях, привозимых из Европы в Россию», перечислено 20 названий товаров, которые Венеция могла бы поставлять России («водки, розоли или мораскины; деревянное масло, бисер, стеклярус, жесь белая и лакированная и корольки, зеркала, сукна, байка шерстяная всякого сорта, шелковые материи, шелк первого сорта, изюм, шелковые платки, фальшивые камни, музыкальные инструменты, шафран, всякая бумага, мелочный товар, всякия мебели, белила и краски для живописцов, картины и др.»).

Особенностью списка является то, что каждое название сопровождается пояснением, как до сих пор этот продукт или изделие поступал на русский или венецианский рынок и что сулит его привоз или вывоз развитию венецианской промышленности.

Например, русская пенька (которая «хуже болонской») служила бы для нужд Арсенала, что позволило бы итальянскую использовать для других целей; русский лен, будучи «превосход-

⁵¹ Датировать «Список» трудно, но, вероятно, он был составлен между 1775 и 1783 гг., так как автор пишет еще о «турецком Крыме»; последний, как известно, был присоединен к России 8 апреля 1783 г.

⁵² «О товарах и произведениях Российских отправляемых в Европу, также о рукоделиях и произведениях европейских, отпускаемых в Россию единым путем чрез Балтийское море, из коих, как одни, так и другие посредством торгового трактата между Республикою венецианской и Императрицею Российской, провозя их чрез Черное море, могли бы большею частию из разных областей оной империи прямо доставляемы быть в здешний город... Сия дорога была бы несравненно кратчайшею и надежнейшею для нашего водоходства и выгоднейшею пред нынешнею». (Там же, л. 402—402 об. Курсив нап., — *И. III.*)

⁵³ «... открытием непрерывнаго водянаго пути, начиная с небольших переездов по рекам, а имянно по Волге к Астрахани, и по Дону к Азову, а от туда морем, и сим кратчайшим путем могут (венециане) получать шолк, пряные коренья и другие важнейшие товары из Грузии, Армении и Персии... а отсюда пересылать в означенныя государства бисер, стеклярус, корольки, зеркала, жесь лакированную и другия собственные наши рукоделия...». (Там же, л. 405 об.—406).

⁵⁴ Там же, л. 403.

⁵⁵ Там же, л. 411 об.

нее» александрийского, способствовал бы улучшению и удешевлению изделий «на полотняных наших мануфактурах, а особливо на фриульских».⁵⁶

Но особенно перспективны, по мнению автора, импортные возможности России, и на русском рынке венецианцы могли бы соперничать с другими странами.⁵⁷ Кроме того, Венеция могла бы получить прибыль не только от вывоза собственных товаров, которые пока доставляются в Петербург через Лондон и Амстердам, Гамбург и Любек,⁵⁸ но и быть посредником для других итальянских государств, например Неаполя.⁵⁹

«Мемуар, представленный Г-ну Фоскари, послу Светлейшей Венецианской республики при Русском императорском дворе, Микеланджело Парри в Петербурге 1 октября 1785 г.», в некоторых частях перекликается с вышеописанным документом, дополняет его, а иногда противоречит высказанным там мнениям.⁶⁰

Записка дает краткие сведения о российской торговле⁶¹ и была сделана по просьбе венецианского посла,⁶² имевшего в виду, вероятно, получить нужные данные для решения вопроса о возможности и необходимости для Венеции заключить торговый договор с Россией.⁶³

К сожалению, мы не знаем, кто такой Микеланджело Парри. Можно лишь утверждать, что этот венецианец был хорошо осведомлен о состоянии русской торговли, о постановлениях русского правительства по торговым вопросам,⁶⁴ о разнице цен на товары в различных районах страны по сравнению с Петербургским портом.⁶⁵

⁵⁶ Там же, л. 409.

⁵⁷ «Зеркала: Оными снабдевают поныне Россию одни токмо Англичане и Французы. Мы также могли бы доставлять их, и превосходнейших пред теми, почему надлежит нас предпочесть пред французами и англичанами»; или «Сукна: Сими снабдевается Россия из Голландии и Англии в безмерном количестве, а особливо роскожными... нашими же сукнами, делаемыми в Иския, Тревизане, и в прочих местах, можем с основанием ласкать себя, что будем иметь с Россиею великий торг». (Там же, л. 416—416 об.).

⁵⁸ Это основные венецианские товары: шелк и шелковые материи, бумага, мебель, бисер, стеклярус, музыкальные инструменты, жемчуг, изюм, цитрусовые и т. д.

⁵⁹ Имеется в виду вывоз из Неаполя оливкового масла, шафрана. (Там же, л. 415 об., 418 об.).

⁶⁰ Там же, л. 442—474 об. Плохое качество французского перевода (или сделанной копии) иногда затрудняет понимание смысла отдельных положений, высказываемых в «Мемуаре».

⁶¹ В качестве приложения даны сведения о русской монете (по сравнению с венецианской), мерах веса и длины, а также об их соотношениях с применяемыми в Венеции.

⁶² «Я поистине не знаю как выпутаться из дела, чтобы исполнить приказ, который Вы, ваше сиятельство, мне дали, разъяснить такую бесконечную область, какой является торговля России». (Там же, л. 442).

⁶³ Там же, л. 472.

⁶⁴ Например, указ от 27 сентября 1782 г. о новом тарифе, тексты торговых договоров России с Англией и Турцией. (Там же, л. 472—473, 450—450 об.).

⁶⁵ В частности, в Москве, где он провел 4 месяца. (Там же, л. 471 об.).

Автор «Мемуара» (вопреки мнению автора «Списка товаров») отрицательно оценивает возможности венецианцев установить прямую торговлю с Россией балтийским путем (из-за дороговизны фрахта: в таком случае лучше покупать необходимые товары в Генуе, Ливорно или Неаполе), но считает очень перспективным установление взаимных торговых связей через Черное море,⁶⁶ и на этом пути Венеция имеет преимущества по сравнению с другими государствами Италии.⁶⁷ В связи с этим М. Парри положительно решает вопрос о венециано-русском торговом договоре,⁶⁸ считая, что он был бы полезен для адриатической республики, так как вывел бы ее торговлю из «летаргического состояния, в которое привели ее многочисленные роковые обстоятельства».⁶⁹ Однако торговый договор так и не был заключен.

Анкона. «Проект о произведении в Анконе Российской торговли» относится, по-видимому, к 1781—1783 гг.; автор его — грек по национальности, «ближайший уроженец тех стран, о которых я осмеливаюсь доложить вашему сиятельству».⁷⁰ В своей краткой записке он ничего не писал «о пользе от заведения в тех краях для России коммерции», ибо, по его мнению, это общеизвестно, а предлагал учредить в Анконе, являющейся порто-франко, купеческую контору (государственную или частную),

⁶⁶ «Венецианская нация должна разумно отказаться от мысли торговать с Россией, которая была бы постоянно разорительной для каждого венецианца, который бы ее предпринял; я верю, однако, что таковой должна быть для него только торговля по Балтике, а не та, которую если бы с русскими через Черное море». (Там же, л. 448—449. Курсив наш. — И. Ш.).

⁶⁷ Характерно, что Парри приводит для Венеции те же доводы, что и лорд Актон — для Неаполя: отсутствие русского торгового флота на Черном море дало бы возможность венецианским судам, получившим право на русский флаг для свободного прохода через проливы, преваляровать в этой торговле. (Там же, л. 451 об.—452, 470—470 об.).

⁶⁸ Он приводит в записке и список товаров обоих государств, с которыми может осуществляться обмен, повторяющий в основном все то, что было в предыдущем документе, но называет и новые: среди венецианских — это кружева, оптические приборы, ладаи, помады, среди русских — конский волос, селитру.

⁶⁹ Там же, л. 473.

⁷⁰ Там же, № 544, л. 82—83 об. — Это, по-видимому, перевод письма А. Р. Воронцову, а настоящий заголовок документа принадлежит или переводчику, или копиисту. Дата устанавливается по упоминанию в рукописи «нейтрального купечества» (т. е. «Декларации о вооруженном нейтралитете», которая была провозглашена Россией 28 февраля 1780 г.) и по отсутствию сведений о русском консуле в Анконе (а это автор отметил бы, так как он пишет о «находящихся в тамошних местах российских министрах»), который был назначен в 1783 г.; им стал житель Архипелага Протопсалти. (Там же, № 138, «Дело о консульских постах», л. 35 об., 49 об. См. также: Ульяновский В. А. Русские консульства..., ч. II, с. DCXXXI). Может быть, Протопсалти (Giorgio Protopsalti) и был автором настоящего документа? Во всяком случае, его письмо, где он отмечает положение Анконы как самого удобного центра торговли среди других итальянских городов, находится в бумагах А. Р. Воронцова (Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1462, л. 267).

которая и будет осуществлять торговлю в этом городе вместо иностранного купечества.⁷¹ Он считал, что перевозить товары в Россию можно будет на казенных фрегатах, которые на обратный рейс будут загружены итальянскими товарами, «самой лучшей горючей серой» и солью с острова Ивиса.⁷² Было ли осуществлено это предприятие, нам неизвестно, но знаменателен сам факт такого предложения.

* * *

Итак, представленные в фонде Воронцовых записки свидетельствуют о попытках как русской, так и итальянской сторон к установлению прямых торговых связей. Одни из них увенчались успехом (заключение русско-неаполитанского торгового договора 1787 г.), другие окончились безрезультатно (Венеция).

Сравнивая их, можно выделить одну закономерность — все подчеркивали выгодность прямой русско-итальянской торговли, в своих стремлениях вытеснить посредников (главным образом англичан и голландцев) выдвигали в качестве противовеса торговлю через Черное море, причем итальянские записки свидетельствуют даже о некоторой борьбе (во всяком случае, борьбе проектов) за получение этой торговли в свои руки.

Имели ли они под собой реальную основу? Каков был объем русско-итальянской торговли в это время? Несмотря на скудость данных, попытаемся показать это при помощи таблиц, составленных нами на основе «Сводных таблиц вывоза товаров из С.-Петербургского порта» за разные годы на английском, французском, немецком и голландском языках («Account of goods exported by the British ships from St Petersburg in...»; «Marchandises exportées de St Petersbourg en...»; «Summarischer Verzeichniss der von St Petersburg im Jahr... verschifften Waaren»; «Etract van ultgheheerte waaren van St. Petersburg»), хранящихся в фондах Коммерц-коллегии (ЦГАДА), Госархива (ЦГАДА) и Воронцовых (ЦГАДА и Архив ЛОИИ).

Цифры, приведенные в таблицах, показывают, что связи России с государствами Апеннинского полуострова были постоянными и возрастающими в объеме. Подтверждением этого является сравнение данных за 1769 и 1791 гг., т. е. за годы, для которых мы имеем наиболее полные сведения. За это время число судов, ушедших в итальянские порты, увеличилось в 3 раза; вывоз железа за эти же годы возрос в 1,5 раза, в 4 раза вырос экспорт юфти, в 350 (1) раз — экспорт первосортного льна. Поэтому, подводя итог, следует отметить, что хотя торговля между

⁷¹ «Посылать товары на щот той канторы, каковые повсегодно из России иностранные купцы на свой щот немалое количество, а именно из главных сортов юфть около 30 тысяч пудов, железа и икры паусной и льну на не малую сумму... привозят». (Там же, оп. 1, № 544, л. 82 об. Курсив наш, — И. Ш.).

⁷² Там же, л. 82 об.

Т а б л и ц а 1
 Число купеческих кораблей,
 вышедших из С.-Петербургского и Рижского портов в Италию

Годы	С.-Петербургский порт			Рижский порт *	общее число
	английские	других на- ций	общее число		
1769	11	4	15	1	16
1772 **	13			5	
1778	12	4	16	6	22
1780			18	15	33
1782			12	12	24
1785		4		12	
1787	4			5	
1788	6	5	11		
1789	■	Число не указано		3	
1791	5	31	36	11	47
1792	15	13	28		
1793	2	8	10		
1794	7	11	18		
1795	1	14	15		

* Сведения даны по спискам купеческих кораблей (пришедших и ушедших) помещавшимся в газете «Rigische Anzeigen».

** По данным, приведенным в статье Дж. Леви «Экономические отношения с Россией в планах пьемонтского правительства» (с. 254). Дж. Леви неправ, называя корабли «русскими»: по-видимому, сведения относятся к английским кораблям, так как только в английских сводных таблицах указывался порт назначения.

Россией и Италией никогда не была определяющей в торговых связях каждой из обеих стран, но стремления как той, так и другой к более тесным и непосредственным контактам, направленные на подрыв гегемонии англичан и голландцев, кажутся в свете приведенных данных оправданными, как кажутся справедливыми и «радужные надежды» на установление прочных экономических сношений через Черное море. Если же последняя четверть XVIII в. не принесла еще осуществления этих надежд, то цифры, приведенные В. Джурой о южной русско-итальянской торговле за 1803 г., показывают, что ей принадлежало будущее.⁷³

Рассмотренные здесь документы дополняют историю той своеобразной группы источников, которой являются записки-проекты коммерческих мероприятий международного характера, столь свойственные XVIII веку — «веку проектов», по образному выражению знатока европейской торговли того времени Вальтера Кирхнера. Кроме того, эти документы проливают новый свет на

⁷³ Из 815 кораблей, посетивших черноморские порты за этот год, 283 имели пунктами назначения итальянские порты (Мессину, Геную, Ливорно, Неаполь), не считая 186 судов, шедших в Триест, бывший в то время (как, впрочем, и Венеция) под австрийским владычеством. (Giuga V. Op. cit., p. 13).

Таблица 2

Вывоз железа (в пудах) в Италию через С.-Петербургский порт

	1769	1778	1780	1782	1785	1787	1788	1789	1791	1792	1793	1794	1795
На английских кораблях	25708	54525				5925	16830	30441	9580	36280	3150	25100	756
На других кораблях	7600	10000			6900		4840		37170	29184	30194	37694	37283
Общее количество	33308	64525	56150	33770			21670		46750	65464	33344	62794	38039

Таблица 3

Вывоз юфти (в пудах) в Италию через С.-Петербургский порт

	1769	1778	1780	1782	1785	1787	1788	1789	1791	1792	1793	1794	1795
На английских кораблях		34921				17847	22860	28095	22973	24423	9145	9194	4513
На других кораблях	14158	10699			2206		4560		38308	8451	27623	27806	46921
Общее количество	14158	45620	30511	35302	2206		27420		61281	32874	36768	37000	51434

Таблица 4

Вывоз льна (в берковцах) в Италию через С.-Петербургский порт

		1769	1778	1780	1782	1785	1787	1788	1789	1791	1792	1793	1794	1795
На английских кораблях	12 — терик	6	13082				4099	9302	22404	7755	6618	1600	6816	—
	9 — терик	12285	8746				—	—	—	—	1214	—	—	—
	6 — терик	6804	2728				—	—	—	—	572	—	—	—
На других кораблях	12 — терик	196	40			24141		14934		62964	18400	16176	47751	414
	9 — терик	—	—			1003		—		4908	1280	—	518	39
	6 — терик	—	—			—		—		2460	—	—	63	—
Общее количество	12 — терик	202	13122	23788	17985	—	—	24236	—	70719	25018	17776	54567	414
	9 — терик	12285	8746	10051	5124	—	—	—	—	4908	2494	—	518	39
	6 — терик	6804	2728	4509	479	—	—	—	—	2460	572	—	63	—

Таблица 5

Вывоз икры (в пудах) в Италию через С.-Петербургский порт

		1769	1778	1780	1782	1785	1787	1788	1789	1791	1792	1793	1794	1795
На английских кораблях		1899	10928				1565	1568	3956	2200	4812	1453	1306	545
На других кораблях		1564	587			—		697		10619	7451	10133	4756	4655
Общее количество		3463	11515	8757	5229			2265		12819	12263	11586	6062	5200

ту большую дискуссию о русской торговле, которая велась в Европе в XVIII в. и в настоящее время стала объектом многочисленных исследований.⁷⁴

А. А. ФУРСЕНКО

АРХИВ РОКФЕЛЛЕРОВ

В течение многих десятилетий деловые архивы предприятий и переписка крупных бизнесменов оставались на Западе закрытыми. Ни один исследователь не допускался к ним даже для поверхностного ознакомления, а если порой и получал возможность что-то увидеть, то публикация этих материалов была чрезвычайно затруднена или оказывалась вовсе невозможной. Случалось, правда, что на страницы печати иногда попадали совершенно сенсационные документы. Например, в 1908 г. газетный издатель У. Р. Херст опубликовал переписку одного из рокфеллеровских директоров Дж. Арчболда о его тайных связях с сенаторами США и даже им взятку за услуги в деле защиты интересов «Стандард ойл К^о». Эти документы были за крупное вознаграждение выкрадены служащими компании, сфотографированы газетой и затем возвращены на место, а тексты спустя некоторое время опубликованы.¹ Однако подобного рода публикации, как бы ни были значительны преданные гласности документы, естественно, могли дать представление лишь о каком-то частном эпизоде или вопросе. Что же касается архива, то он оставался за семью печатями.

В начале нынешнего века правление рокфеллеровской «Стандард ойл К^о» допустило к своим бумагам журналистку Айду Тарбел, которая занялась подготовкой истории нефтяного треста Рокфеллеров. Однако опубликованное ею впоследствии двухтомное сочинение² носило настолько разоблачительный характер, так резко критиковало действия «Стандард ойл», что не только для Айды Тарбел, но и для всех остальных архив оказался на долгие годы закрыт. Только в конце 30-х годов известный амери-

⁷⁴ Кроме работ, уже названных выше, см.: Сироткин В. Г. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г. — В кн.: Франко-русские экономические связи, с. 189—233; Van Regemorter J. L. Commerce et politique: préparation et négociation du traité franco-russe de 1787. — Cahiers du monde russe et soviétique, 1963, v. IV, p. 230—257; Reychman J. Le Commerce polonaise en Mer Noire du XVIII s. par le port Kherson. — Ibid., 1966, v. VII, p. 234—248; Kellenbenz H. The economic significance of Archangel Route (from the late 16th to the late 18th century). — The Journal of European Economic history, 1973, v. 2, N. 3, p. 541—581.

¹ См.: Moor A. L. John D. Archbold and the Early Development of Standard Oil. N. Y., s. a., p. 234—236.

² Tarbell I. History of the Standard Oil C^o. V. 1—2. N. Y., 1904.